

* * *

*Приходят одиночество и ночь.
Умри, но звук, как звёзды, обесточь.*

* * *

*Прекрасны и отчётливы слова,
но в целом непонятен человеческий
язык, и через мрак его едва
трепещет мотылёк, летит навстречу
огню и смертью вопрошает свет,
но тот не говорит ни да, ни нет.*

* * *

*Зачем трапеция, многоугольник,
ацетилен, Галиция, эвлена?
Зачем? Ведь их забудешь непременно.
Что есть, что нет. Так рассуждает школьник.*

Он вырастет и посетит Европу.

* * *

*Домой добрался тихий алкоголик,
кладёт разбитые очки на столик.*

*Он навзничь мёртв, и голова в подушке.
Под ночником отсвечивают дужки.*

*Жена шепнула, что сыта по горло, –
и целое стекло платком протёрла.*

* * *

*Пейзаж – но как он жёлт и сух!
А луч, пронзивший тучу, узок.
Безмолвствует, как камень, дух.
Ни звуков нет, ни слов, ни музыки.*

*Вот, наконец, и свет померк.
Упав, секунда стала годом.
Сорвался лист, понёсся вверх,
сверкая в воздухе исподом.*

* * *

*Я родился, но разве я умру?
Не прекратится трепет мотыльковый
под этой тучей, грузной и лиловой,
а эхо перекликнется в бору.*

*В листе от измороси – звук зернистый,
и озеро на миг покроеет сплошь
живая оргазмическая дрожь,
и вверх потом низринутся зарницы.*

* * *

*И вот на закате остывший желток
и ломтиком туча над ним золотая.
Начистишь на ужин картофель, в мешок
глазастые шкурки срезая.*

*Усеется влажными звёздами ширь –
покажется: лёд на крупцы расколот.
И лунного мятного пряника холод.
И вечера горький чифирь.*

87

* * *

Я запомню лиловую просинь
между листьев, когда я умру.
Будет жаркая жёлтая осень,
раздеваясь, стоять на ветру.

Отразится на меди медовой
голубое и белое. Что ж,
подивишься, как ровно, сурово
я молчу, и за гробом пойдёшь.

Только облако тает несмело.
Только крутится, падая, лист.
Проводив своё бедное тело,
что предпримешь, материалист?

Зрелый воздух, в блистающей луже
застоялась холодная рябь,
и становится облако уже.
Боже мой, это зренье ослабь,

всё так резко! Не думай об этом,
но смотри на щекочущий свет
среди листьев. Меж тобою и светом
никакого препятствия нет.

* * *

Мошка висит прозрачной сеткой,
комарик плачется, палач,
под ветром пихтовые ветки
колышутся, и свет горяч,

и под ногами медуница,
и облака над головой.
Не человеком бы родиться –
шмелём, белянкою, травой.

Я мог быть в паутине спящим
восьмиконечным пауком.
Я мог быть на свету сквозящим,
из почки лезущим листом.

Что ни представь себе – когда-то
я от подобных мне возник,
и есть расхожая цитата
про вечно ропщущий тростник.

Я по лесу брожу без цели,
сильнее солнечный накал,
но всё яснее помню трели
тех птиц, которых не слышал.

* * *

Шарообразное молчанье лип,
сквозящий свет и тени на асфальте,
и скрипки, заменённые на альты,
мне говорят, что я живу, что я погиб.
Зачем я слышу твой чудесный голос
в шатающейся с шорохом тиши,
скажи мне, глухота чужой души?
Светло и больно что-то откололось.
Стою один и вспоминаю жуть
ошеломительного неба, Млечный Путь,
звезду с звездой, эфир над нами первозданный,
причал, зуд комара, дурную тишь,
свет фонаря, мелькающую мышь
летучую и трепет, разговор, сопрано
и ночь глубокую, как женский взгляд.
И не смогу понять я утром ранним,
как дальше с этим жить воспоминаньем.
Я в прошлое смотрю: там двое говорят.

* * *

85

Думал, бабочка эта – сухая,
но она оказалась живой –
ей лететь, по лазури сверкая.
Распускаются почки весной,
а на кончиках пальцев – дрожащий –
загорается бледный огонь.
Прошептал: «Это он, настоящий»,
я сожму и раскрою ладонь,
и на ней поддержку без труда я
говорливый, живой уголёк.
Народится планета седая
в небесах, где бормочущий бог.
Одинокий листочек дубовый
на ладонь постарается лечь –
и наполнится всякое слово:
воды, камень, молчание, речь.

